

МАЙКЛ О'НИЛ

McQueen

НЕАВТОРИЗОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ОДРИ
МЕЧТА В КАЖДОЙ КНИГЕ
Москва

УДК 687.1(092)(410)
ББК 85.126(3)-8
О-58

Michael O'Neill
MCQUEEN: THE FASHION ICONS

© Danann Media Publishing Limited 2023

The book is translated or reproduced from «McQueen The Fashion Icons» published by Sona Books, an imprint of Danann Media Publishing Limited with design rights owned by Danann. Content is licensed from Danann Media Publishing Limited. Used under licence. All rights reserved.

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

Getty Images, Pierre Verdy/AFP/Getty Images, Paul Vicente/AFP/Getty Images, Dave Benett/Getty Images, Francois Guillot/AFP/Getty Images, Catherine McGann/Getty Images, Andrew Winning/AFP/Getty Images, Steve Eichner/Getty Images, Alexis Duclos/Gamma-Rapho via Getty Images, Sinead Lynch/AFP/Getty Images, Hugo Philpott/AFP/Getty Images, Martin Hayhow/AFP/Getty Images, Victor Virgile/Gamma-Rapho via Getty Images, Nicolas Asfour/AFP/Getty Images, Jean-Pierre Muller/AFP/Getty Images, Pool Bassignac/BUU/Gamma-Rapho via Getty Images, Chris Jackson/Getty Images, Xavier Rossi/Gamma-Rapho via Getty Images, Andy Paradise / Stringer, Filippo Monteforte/AFP/Getty Images, Chad Buchanan/Getty Images, Giuseppe Cacace/AFP/Getty Images, Damien Meyer/AFP/Getty Images, Chris Moore/Catwalking/Getty Images, Maria Valentino/FTWP, Victor Boyko/Getty Images, Andrew H. Walker/Getty Images, Carl De Souza/AFP/Getty Images

О'Нил, Майкл.

О-58 McQueen. Легенда моды / Майкл О'Нил ; [перевод с английского И. Ю. Крупичевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 144 с. : цв. ил. — (История модных брендов. Книги для коллекции).

ISBN 978-5-04-201502-1

Александр Маккуин был революционером визуального языка моды. Майкл О'Нил поднимает завесу над малоизвестными этапами жизни творца, рассказывает, как юноша из скромной лондонской семьи превратился в культовую фигуру fashion-мира, чья карьера была полна драм, скандалов, взлетов и падений. Редкие архивные фотографии, эскизы и закулисные кадры раскрывают путь мастера, для которого мода стала формой исповеди и искусства на грани срыва. Это книга о страстях, одиночестве, вдохновении и свободе — о том, как один человек сумел превратить шок в красоту и оставить след в модном пантеоне, над которым не властно время.

УДК 687.1(092)(410)
ББК 85.126(3)-8

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕНОМЕН АЛЕКСАНДРА МАККУИНА	8
РАННИЕ ГОДЫ 1969–1985	12
ОТ СЭВИЛ-РОУ ДО МИЛАНА 1985–1991	14
ЛОНДОН МАНИТ 1991–1996	18
ГОДЫ В GIVENCHY 1996–2001	32
БЕЗГРАНИЧНАЯ СЛАВА 2001–2006	56
ГЛАМУР И БОЛЬ 2006–2010	92
НАСЛЕДИЕ	134
ПОДИУМНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ	136
ТАК ГОВОРИЛ АЛЕКСАНДР МАККУИН	138
ЧТО ДУМАЛИ ДРУГИЕ	140

ФЕНОМЕН АЛЕКСАНДРА МАККУИНА

«Все уже делали раньше... важно, как это сделаете вы».

Ли Александр Маккуин, дитя своего времени, был одним из длинной череды талантливых надломленных знаменитостей, не доживших до среднестатистических семидесяти лет. Маккуин постоянно старался освободиться от собственных демонов и никогда не находил выхода; как личность он был полон противоречий. Этот конфликт нашел свое отражение в его творчестве, подогревал его фантазию.

Когда он не был ограничен коммерческим заказом, в его дизайне появлялось что-то тревожащее и сюрреалистическое, безудержный полет воображения пребывающего в постоянном поиске гения. Как говорил Маккуин, миру нужна фантазия, реальности хватает всем, но жесткий взгляд на реальность и боль мира просачивались в его фантазии и, соответственно, в его работы вместе с его собственной уязвимостью и страстью.

С точки зрения социума Маккуин был достойным последователем английского модельера Чарльза Фредерика Ворта (13 октября 1825 — 10 марта 1895), первого англичанина, о котором можно сказать, что он вырвался за рамки модного дизайна, как это предстояло сделать Маккуину 150 годами позже. Ворт создавал одежду в Париже, и его считают отцом от-кутю.

Маккуин поляризовал общественное мнение, и его часто называли гением. В мире моды это мнение разделяли не все. Но тем не менее сторонни-

ки противоположных оценок сходились в одном. Маккуин был творцом, и его творчество подпитывали живой, энергичный ум и руки мастера. Он рассматривал одежду как предмет искусства, как способ передавать концепты и идеи, а не просто возможность одеть тело. Благодаря сумасшедшей энергии ему удалось показать нам, что мысль способна увести наблюдателя в фантастическое путешествие.

Воображение, рисунки и объемы помогли Маккуину вывести одежду за рамки привычной сдержанности, за те рамки, которые установили для нее другие. Сделав это, он покинул арену высокой моды и вошел в мир театральной экспрессии, прежде чем начать блестяще сочетать и то и другое.

Творения Маккуина были в высшей степени автобиографическими и, следовательно, личными, отсюда и его уникальность. Творчество дизайнера вращалось вокруг повторяющихся тем, одной из которых была история его шотландских предков и интерес к истории вообще, а также то, как это наследие можно использовать в современной одежде и тканях. Романтизм пронизывал многие его показы как деликатно, так и явно. Это объединяло Маккуина с художниками прошлых веков, и он часто черпал вдохновение в их работах и в тех эпохах, в которые они творили.

Креативность Маккуина не чуждалась выражения эмоций, и мы видели, что эти эмоции часто бурлили и всегда отражали его собственное восприятие романтического идеализма — никогда до конца не удовлетворенное и наполненное чувством опасности. Дизайнера называли «байроническим» из-за ощущавшихся в нем одиночества и меланхолии, пронизывавших его романтизм, из-за поиска эффектного жеста и из-за бунтарства в характере.

Маккуин был воплощением человека эпохи барокко, случайно оказавшегося не на своем месте в XXI веке и, следовательно, дезориентированного. Он был мастером изобилия, богатства и роскоши, виртуозом сложной и изысканной ручной работы, катализатором стиля.

Как и многих людей с душой художника, его, словно магнит, притягивало к себе все экзотическое, все странное и необычное. Он включал этнические стили в большинство своих коллекций и соединял вековую историю моды, чтобы это сделать. Любой стиль, привлечший его внимание, мог стать для него источником вдохновения. Особенно часто это была Япония, представленная во многих коллекциях, а также Китай, Африка или Индия, и эти веяния, слово бабочки, то появлялись в его творчестве, то исчезали.

Основополагающее значение для Маккуина имела природа, он часто к ней обращался как к неиссякаемому источнику идей. Его уважение к природе было очевидным. К примеру, Маккуин позволил природе сказать свое слово в его последней коллекции «Атлантида Платона» (Plato's Atlantis), где природа заставляет человека выполнять ее требования, а не наоборот. В его нарративах заметно мощное присутствие природы, птиц и полета через мрачные этапы жизни человечества.

То же самое можно сказать и о его исследовании природы сексуальной власти женщин, им лично не познанной, как он сам с сожалением признавался, и оттого еще более загадочной. Но если говорить о хитросплетениях любви и сексуальности, то больше всего Маккуину хотелось бы вживую встретиться с маркизом де Садам, человеком, чье имя обычно ассоциируется с сексуальной эксплуатацией. По словам дизайнера, он заставил его ощутить банальность собственной жизни. *«Я испытал некоторое влияние маркиза де Сада, так как я действительно считаю его великим философом и человеком своего времени»*, — сказал Маккуин о своем кумире.

Несмотря на любовь к прошлому, в своем собственном мире Маккуин был первопроходцем. Связь искусства и жестокости была уже полностью исследована художниками перформанса задолго до него. И вполне вероятно, что он видел эти перформансы или даже принимал в них непосредственное участие в Лондоне. Но для богатого аристократического мира высокой моды этот концепт оказался новым и эпатажным. В 1990-х годах Маккуин первым бесстрашно пересек границы искусства и художественного конфликта.

К тому же он жил в эпоху технологической революции и воспользовался пересечением различных областей современного искусства. Используя компьютерные технологии для создания неожидан-

ных принтов, он принял для себя идею искусства машин и вопросы, которые такое использование ставило. Маккуин использовал цифровую печать для создания в высшей степени оригинальных творений.

Его фирменные новаторские театрализованные показы, которые помогли вознести его на вершину профессии, соответствовали ослепительной демонстрации роскоши в духе «короля-солнце», превалировавшей в эгоистичном обществе XXI века. Говорили, что стоимость этих показов оценивалась в миллион долларов за десять минут.

Хотя многие считали Маккуина мастером авангардного дизайна, его истинный талант основывался на превосходном умении кроить, конструировать и шить одежду.

О моде Маккуин сказал так: *«Все уже делали раньше... важно, как это сделаете вы»*.

Пожалуй, самыми печальными изображениями Маккуина сейчас являются его фото в костюме скелета или его фото на обложке Savage Beauty, где лицо Маккуина превращается в череп. Этот символ смерти слишком противоречит блеску его достижений. Одномерный образ не должен быть напоминанием о наследии человека, которому иногда удавалось вобрать в себя творческие импульсы других людей и окружающего мира, чтобы загнипотизировать, обогатить и привнести ощущение тайны и волшебства в наполненный дымом и зеркалами мир моды.

РАННИЕ ГОДЫ 1969–1985

«Я давно примирился с тем, что не вписываюсь.

Я никогда по-настоящему не вписывался. Я не хочу вписываться. И теперь люди на это покупаются».

В 1953 году в лондонском районе Стени таксист Рональд Маккуин женился на своей подружке. Джойс Барбаре Маккуин было восемнадцать лет. Она увлекалась генеалогией, что оказалось важным для будущего ее младшего сына, и работала в школе преподавателем социальных наук. Ей удалось проследить следы своей семьи вплоть до гугенотов, искавших в Англии убежище от религиозных преследований материковой Европы и обосновавшихся в Уайтчепеле и Спиталфилдсе 250 лет назад.

Исследуя семейную линию Маккуинов, Джойс обнаружила среди предков могильщиков из Инвернеса. Это заинтересовало и Ли Маккуина, и Изабеллу Блоу, которых привлекала смерть. Джойс также писала картины акварелью, и нет никаких сомнений в том, что впоследствии к ней присоединился и Ли, и они не раз сидели вместе за кухонным столом, предаваясь этому занятию.

Денег семье не хватало, но в течение следующих 15 лет Рональд и Джойс родили пятерых детей. К моменту рождения их шестого ребенка, Ли Александра, в 1969 году они жили в муниципальной квартире. Когда Ли был еще младенцем, Маккуины переехали на Биггерстаф-роуд в Стрэтфорде, в Восточном Лондоне. Там же Ли ходил в младшую школу на Карпентерс-роуд.

Майкл, брат Ли, вспоминает дни, когда их отец шесть дней в неделю работал водителем грузовика, вставал в 5 утра и возвращался домой в 9 вечера. Джойс занималась домашним хозяйством, но при этом была более творческим и открытым человеком.

Одно из самых ранних воспоминаний Ли — это как он в возрасте 3 лет рисовал Золушку в бальном платье на стене комнаты сестры в многоквартирном доме в Стрэтфорде. Позднее он шил платья для сестер, в которых они ходили в школу. К сожалению,

интерес Ли к женским платьям и наблюдению за птицами не пришелся по душе его отцу, человеку приземленному, который жил, по словам Майкла, «по драконовским законам».

Действительно, Рональд с того времени практически отказался от младшего сына. С другой стороны, мать всегда была рядом с Ли, чтобы поддержать и подбодрить мальчика в его занятиях. Между ними возникла душевная близость, сохранившаяся до конца жизни. И эту связь ничто не смогло разрушить. Она сначала помогала, но после смерти Джойс причинила Ли огромную боль.

Хотя Ли буквально «заболел» плаванием и вскоре преуспел в нем, его настоящая страсть была очевидна с раннего детства. Подвергавшийся издевательствам и злым шуткам в школе, Ли был лишен позитивной мужской ролевой модели и мужской поддержки, когда он больше всего в этом нуждал-

ся. Этот трудный враждебный мир, в котором он пытался жить, сформировал противоречивые черты в характере Ли, которые впоследствии создадут его и сломают.

Он развил в себе внутреннюю силу и убежденность, которые впоследствии сформировали его взгляды. Но он сохранил чувствительность и уязвимость перед внешним миром, в который он не смог по-настоящему влиться. Такова судьба многих художников на протяжении всей истории.

К 12 годам, когда он с головой ушел в книги о дизайне и моде, уходя от трудной реальности в мир гламура, его будущий путь уже манил его. Подготовительная школа Рокеби для мальчиков все меньше и меньше его интересовала. Он все чаще пропускал уроки, не мог сосредоточиться на школьных занятиях. Но при этом он жадно читал, и иллюстрации в книгах всегда задерживали его внимание. Он предпочитал музыку в стиле хаус. Показательно, что, когда он ушел из школы 17 марта 1985 года в возрасте 16 лет, экзаменом, за который он получил наивысшую оценку, было искусство.

Начало взрослой жизни ознаменовалось для него кружками пива в пабе в честь первой зарплаты, пока он учился в местном техническом колледже. К счастью для него, это погружение в грубый мир неквалифицированных рабочих было недолгим. Как-то раз его мать смотрела телевизор и услышала, что на Сэвил-роу не хватает учеников. Она мудро предложила сыну попробовать себя в этом качестве. Ли повезло, когда он пришел на фирму, в которой отдавали предпочтение ученикам, не окончившим колледж. К концу собеседования он был принят.

Вооруженный наперстком и ножницами Ли за 100 фунтов в неделю начал восхождение к вершине мира моды из мастерских в доме 30 по Сэвил-роу, принадлежавших достойной, но жестко традиционной компании. Мудро держась в стороне от модной сцены Лондона, они одевали его королевское высочество принца Уэльского, принца Чарльза. Фирма называлась Anderson and Sheppard.

ОТ СЭВИЛ-РОУ ДО МИЛАНА 1985–1991

«Я никогда не был сильным сетевиком, но я был хорошим пиарщиком; все эти шокирующие показы дали мне изначальную поддержку. Но существовать внутри индустрии моды страшно, особенно если ты с этим не рос».

Маккуину невероятно повезло: он стал учеником великолепного портного. Корнелий «Кон» О'Каллаган был одним из лучших мастеров по пошиву пиджаков в фирме Anderson. Внимание к деталям, необходимое для одежды на заказ, в сочетании с собственным талантом Маккуина, преданность делу и дисциплина помогли юному ученику быстро освоить классический крой и классические формы.

Он мастерски владел мелом и ножницами. Поэтому он прогрессировал: узнал, как делают подклад для воротника, как «посадить» воротник или рукав и добавить подкладку и карманы. Ему очень хотелось создать заготовку для пиджака, то есть пиджак еще без воротника, с приметанными рукавами и сшитый на живую нитку, который предстояло оценить наставнику. Когда ученик достигал этой стадии, его взгляд был уже достаточно натренирован, чтобы оценить соотношение между деталями и эффект от разных цветов ткани. У него появлялась смелость, чтобы распороть сомнительное изделие и начать сначала.

Не склонный к пустым разговорам, Маккуин приходил в мастерскую поздним утром и уходил около 5 часов вечера.

Маккуин отдавал должное времени, проведенному на Сэвил-роу среди портных, шивших для королевской семьи, и считал, что они помогли ему овладеть мастерством пошива и отточить необходимые навыки. Всего через несколько лет он описал их как «*крой, пропорции и цвет*».

В ателье Ли научился работать с разнообразными тканями, от холста или бархата до твида. Он познакомился с весом материала и с тем, как разные ткани ложатся и сидят. Его научили кроить, гладить и выполнять безупречные стежки. Менее важным для его ученичества, но жизненно необходимым для его будущего стал тот факт, что он оказался принят в круг великолепных портных, одевавших богатых и знаменитых на протяжении нескольких поколений начиная с 1906 года.

Но его собственная интуиция и амбиции подсказали ему, что традиции ценны, а застой нет и одежде необходимо идти в ногу со временем точно так же, как технологии. Маккуин сшил свою «заготовку» в 1987 году, но его нетерпеливость не сошла ему с рук.

Когда заболела его мать и Ли взял отпуск, чтобы быть с ней, фирма проинформировала его, что его не считают достаточно надежным и преданным

делу, чтобы он мог сделать здесь постоянную карьеру, и они не просят его вернуться. Впоследствии Маккуин приводил противоречивые причины своего ухода, которые продемонстрировали нестабильность его характера.

В течение нескольких лет Ли переходил с места на место, нигде не задерживаясь надолго. Следующей фирмой, взявшей его на работу, стала Gieves and Hawkes, располагавшаяся в доме 1 по Сэвил-роу. Там Маккуин смог отточить свои навыки портного, став закройщиком брюк. Он снова оказался в почтенной фирме: Gieves была основана в 1785 году, а Hawkes в 1771-м. Мастера этих фирм одевали адмирала Нельсона и герцога Веллингтона. Этот дух традиций, несомненно, подогрел природный интерес Маккуина к прошлому и усилил его противоречивое отношение к истеблишменту, когда в день своего двадцатилетия — 17 марта 1989 года — Маккуин ушел из этой фирмы.

Его зарождавшийся интерес к истории вспыхнул ярким пламенем, когда он позднее начал работать на Bermans and Nathan's в 1989 году. Фирма шила театральные костюмы с 1790 года, и пока Маккуин там работал, он помогал шить костюмы для мюзиклов «Мисс Сайгон» и «Отверженные». Эта работа привела к тому, что он страстно увлекся техникой, узорами и тканями, которые использовались в XVI веке.

С этого момента почтенные традиции остались для него в прошлом. Маккуину предстояло попасть в другую модную среду, которая в будущем и вознесет его к славе. Он перешел к японскому дизайнеру Кодзи Тацуно, который, судя по всему, нанял его на работу сразу же. Фирма располагалась на Маунт-стрит в лондонском Мейфэре. Это случилось в том же 1989 году. Новая работа стала трамплином для бурлящего воображения Маккуина. Кодзи Тацуно основал собственный бренд Culture Shock в 1982 году. Он развивал стиль, который сам называл «опережающим время».

У Тацуно Маккуин познакомился с новаторским пошивом. Ткани были не почитаемыми служителями традиций, а лучами воображения. Их использова-

ли для создания новых форм, резали, рвали, перекручивали или взрывали, превращая в выражение воли дизайнера. Молодой Ли столкнулся с новым миром, наблюдая за тем, как Тацуно отказывается от условностей и дает волю своей фантазии на подиуме.

Маккуин попал в незнакомый мир, где свободное воображение, театральность, любовь к тканям и соединение этих элементов создавали уникальный стиль. Нет никаких сомнений в том, что Маккуин помчался в том направлении, которое ему указал флюгер Тацуно.

